

Дадаизм в Германии: логика, семиотика, стратегия

Т. С. Сиян

ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Аннотация. Проанализированы логические и семиотические особенности дадаизма. Исследуется проблема самоидентификации дадаизма, его понимания / непонимания с позиции понятий «часть» и «целое». На примере работ Петера Слотердайка при анализе дадаизма вне исторического контекста показаны возможные логические ошибки, а именно генерализация. Особое место уделяется историческим предпосылкам появления дадаистов. Дадаизм по своей сути стал реакцией на ценностный, политический кризис в Европе, реакцией на аморальную, хищническую политику кайзеровской Германии. Дадаизм своей иррациональной эпохе «ответил» иррациональным, эпатажным поведением, семантическим и поэтическим «шумом» (симультанная, брюнистическая поэзия).

Дадаисты «переняли» «агрессивную» борьбу политического поля и «подсознательно» экстраполировали ее на литературное. В роли «ведущего» врага дадаизма в Германии выступил экспрессионизм: дадаисты критикуют его преимущественно на эмоциональном, не на рациональном уровне – критика такого рода не носит конструктивного характера. Отдельно для понимания дадаизма исключительно важным оказывается изучение его истоков, мотивов появления и становления эпатажного «изма».

Ключевые слова: дада, дадаизм, логика дадаизма, семиотика дадаизма, стратегия дадаизма, габитус дадаистов, дада vs экспрессионизм.

УДК 81.13

Сиян Т. С. Дадаизм в Германии: логика, семиотика, стратегия // Критика и семиотика. 2015. № 2. С. 384–398.

ISSN 2307-1737. Критика и семиотика. 2015. № 2
© Т. С. Сиян, 2015

Контактная информация: Сиян Тигран Сержикович, доктор филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы ЕГУ (ул. Алека Манукяна, 1, Ереван, 0001, Армения; tsimyan@googlemail.com)

Целью статьи является описание логики и семиотики дадаизма, а также его борьбы против экспрессионизма. Если экспрессионизм получает широкое распространение в Австрии и Германии, то дадаизм – в Швейцарии и Германии (Берлин, Ганновер, Кельн).

Миф слова «дада»: миф означающего

Известно, что дадаизм возникает не в «центре», в плане политических, военных событий, а на «периферии». В Цюрихе – на «самой мрачной из улиц – в тени архитектурных ребер» [Альманах Дада, 2000, с. 12], которая по Хюльзенбеку становится их «экспериментальной сценой» (Versuchsbühne) [Альманах Дада, с. 79; Dada Almanach, 1920, S. 105]. Заметим, что двери театров, аудиторий для «маргинальных» дадаистов были закрыты. И это послужило причиной превращения одного из ресторанов Цюриха в кабаре под названием «Кабаре Вольтер». А в Кельне, например, в салон дадаистов можно было проникнуть через туалет [Дадаизм в Цюрихе..., 2001, с. 7–8]. Жорж Юнье, описывая один из таких салонов, свидетельствует, что «в центре зала стояла девочка, одетая в библейские одежды, и читала непристойные стихи» (цит. по: [Щеглова, 2005, с. 61]). Конечно, такие синтагмы, как салон – туалет, искусство – туалет, библейская одежда девушки – непристойные стихи, для традиционного посетителя были неожиданностью, но подобные построения не чужды дадаистической логике (алогизм, неожиданность, скандальность, игра с адресатом и т. д.).

Рассмотрим, как представляет Х. Балль основание «Кабаре Вольтера». Х. Балль в предисловии к «Цюрихскому дневнику» («Als ich das Cabare Wolter grundete», русский перевод «Кабаре Вольтер») пишет: «В Швейцарии, наверняка, есть несколько молодых людей, для которых, как и для меня самого, важно не только наслаждаться своей независимостью, но и обосновать ее» [Дадаизм в Цюрихе..., 2001, с. 7–8]. «Обоснование» начинается с песни, пляски, чтения стихов, с манифестов и эпатажа и т. д. Начало дадаизма не мыслится как реакция на ситуацию, происходящую в общественно-политическом поле. По свидетельству Х. Балля, первые дадаисты издали тетрадку «призван[ную] рассказать о деятельности и интересах кабаре, цель которого, невзирая на войну... напомнить о существовании тех немногих независимых, которые живут другими идеалами» [Там же, с. 93]. Даже в тексте Балля заметны противоречия, что приближает его к дадаизму. Доказательством служат записи в «Цюрихском дневни-

ке» под заголовком «Бегство от времени» («Die Flucht aus der Zeit») от 12 июня 1916 г., противоречащие предыдущему процитированному тексту: «Дада борется против агонии и смертоносного угара времени...» [Дадаизм в Цюрихе..., 2001, с. 7–8]. «Пытаются, – продолжает Х. Балль, – невозможное обратить в возможное, и это цивилизованное решение: предательство, хищническое отношение к человеческой душе и телу пытаются пропагандировать как победу европейской рациональности» [Dada Zürich, 2006, S. 17–18].

Поведение дадаистов обусловлено ценностями даже «светской религии». «Дада, – пишет Ганс Арп, – протест неверующих против неверия. Дада – тоска по вере» (цит. по: [Richter, 1988, S. 118]). Очевидную связь между войной и дада можно увидеть и в другом тексте Ганса Арпа. В статье «Дадаландия» (Dadaland) он пишет: «Испытывая отвращение к мясорубке мировой войны года 1914, мы предавались в Цюрихе прекрасным искусствам. Пока где-то далеко грохотали пушки, мы изо всех сил пели, рисовали, клеили, сочиняли стихи. Мы искали элементарное искусство, которое бы излечивало людей от безумия времени и воссоздавало новый порядок – равновесие между небом и землей» (цит. по: [Седельник, 2010]). Цитата указывает на осознанность эстетической игры цюрихских дадаистов. Их действия были направлены и на психотерапию («излечивало людей от безумия времени»). Следует отметить, что дадаистская практика не являлась самоцелью. Его движущей силой были общеевропейские социально-политические события. «Начало дада, – пишет Т. Тцара, – исходит от тошноты, отвращения» («Die Anfänge von Dada waren die Anfänge eines Ekels») (цит. по: [Richter, 1988, S. 117]). По сути, «агрессивное» эстетическое поведение дадаистов связано как раз с политическими проблемами, с общеевропейским ценностным коллапсом. М. В. Щеглова, ссылаясь на утверждения З. Фрейда, пишет, что «истерическая реакция предназначена для вытеснения некой психической травмы» [Щеглова, 2005, с. 64]. С культурно-исторической позиции поведение цюрихских дадаистов описывается и у О. А. Водясовой: «...иррационализм и безумие войны принесли свой метод – полный отказ от всех правил, разрушение прежних ограничений» [2014, с. 36].

Кроме того, в эстетике и поведении дадаистов немалое значение имела игра, которая способствовала зачатию смыслов. Ганс Арп в одном из стихотворений игрой слов «рассказывает» о происхождении и одновременно представляет поэтику дада аллитерациями: «Vor 50 Jahren war dada da // da dada da war // eh dada da war // war dada da // als dada da war» («50 лет назад дада был здесь // поскольку дада был, // эх, здесь был дада, // был дада там // когда дада был там») [Illustrierte Geschichte... 1990, S. 290]¹.

¹ В том же духе написан «Дадаистский стишок» Майка Мадерова: «КогДА-то, я ДАже не знаю когДА... // КуДА-то, я ДАже не знаю куДА... // УеДУ отсюДА я навсегДА... // ЗабудУ я эти и дни и гоДА...» (см.: Мадеров М. Дадаистский сти-

По Хюзенбеку, дада не имеет начала и конца. Это утверждение противоречит точке зрения Г. Арпа. Заметим, что началом истории дадаизма надо считать февраль 1916 г., когда возник термин «дада». При озвучивании манифеста Х. Балля к первому вечеру дада 14 июля 1916 г. (Eröffnung-Manifest, I. Dada-Abend...) дается объяснение значения слова «дада».

Логике дадаизма можно усмотреть в его названии. Как в случае экспрессионизма, так и дадаизма значение слова «дада» неопределенно, т. е. между означающим, означаемым и референтом существует большая пропасть. По Х. Баллю, дада по-французски «означает детскую игрушку – лошадку на палочке. По-немецки – адье, пожалуйста, оставь меня в покое, до свидания, другим разом! По-румынски – да, в самом деле, вы правы, это так, конечно, действительно, договорились. И так далее» [Дадаизм в Цюрихе..., 2001, с. 112–113]. Как видно из «объяснений» Х. Балля, одно означающее не может иметь столько разных означаемых, но сами означаемые в синтагме имеют свою логику: дада находится в семантическом поле игры («детская игрушка»). Если немецкие означаемые дада «инсценируют» прощание, то румынские – «утверждают». Дада «встречается» со своим реципиентом на игровом поле. Встречаясь, должны разойтись, но могут еще раз встретиться («адье, пожалуйста, оставь меня в покое, до свидания, другим разом!»). На примере высказываний Х. Балля катафатическое описание означаемого дадаизма дает возможность увидеть суть дадаизма: «Дада – психология, дада – литература, дада – буржуазия... Дада – это мировая война, не имеющая конца. Дада – революция, не имеющая начала... Дада – это вселенская душа. Дада – это кульминация. <...> по-немецки это [дада] означает: выше всего следует ценить гостеприимство Швейцарии, а в эстетике все зависит от принятых норм» [Там же, с. 113]. Иначе говоря, Х. Балль означающему приписывает означаемое. На это явление обратил внимание еще Р. Якобсон в статье «Письма с Запада. Дада» (1921), взяв в качестве эпиграфа цитату из манифеста Т. Тцары «Дада не значит ничего» [Якобсон, 1987, с. 430, 435].

Примечателен факт, отмеченный в статье Марины Изюмской. В 1981 г. в Цюрихе существовала парфюмерная фирма «Bergmann & Co», выпускавшая бальзам для волос и мыло под названием «Дада». Логотипом фирмы являлись две скрещенные лошадки [Дада Альманах, 2000, с. 125]. И именно поэтому Х. Балль характеризует в своем первом манифесте дада как «самое душистое цветочное мыло в мире»².

шок (эпитафия). 2005. URL: <http://www.stihi.ru/2005/04/07-195> (дата обращения 24.05.2015). На метатекстовом уровне текст читается следующим образом: ДА... ДА... ДА // ДА... ДА... ДА // ДУ... ДА... ДА... // ДУ... ДА, иначе говоря: да... да... да // да... да... да... // ду (ту)... да // ду (ту)... да.

² Немецком тексте: «Дада – лучшее в мире мыло с запахом лилии» («Dada ist beste Lilienmilchseife der Welt») [Manifeste..., 1995, S. 121].

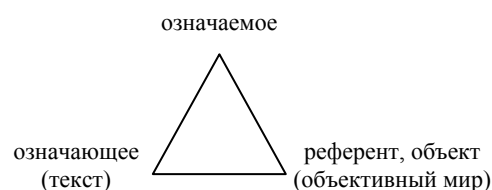
Листая словарь Ляруся, Т. Тцара создает свой «миф» о значении слова «дада». Интересны в этой связи воспоминания Фридриха Глойзера: слово «дада» вылетает из уст Т. Тцары неосознанно, а мотивом создания дадаизма стало «тщеславие» (Ehrgeiz) [Aufbruch..., 2001, S. 247]. По другой версии, дада означает детский лепет, в котором ничего не понятно, присутствие бессмысленного лепета в онтогенезе ребенка свидетельствует о его дальнейшем нормальном развитии от гласного / согласного к слогу, от слога к слову, от слова к словосочетанию, от словосочетания к предложению. Как заметно, в «изме» (означающее) и в его значении (означаемое) уже существует «шум».

Этот «шум» наилучшим образом виден не только у Х. Балля, но и у Р. Хюльзенбека в предисловии (Einleitung) «Дада альманаха» (май, 1920 г.), где читаем: «<...> дада – танцующий дух над моральями мира, <...> дада не аксиома, дада – состояние духа, независимого от школ и теорий. <...> Дада непосредствен и естествен. Если ты жив, ты – дадаист.

Дада, самое непосредственное и животрепещущее выражение своего времени, отрицает все, что считает устаревшим, мумифицированным, устоявшимся. Он претендует на радикальность <...> [Дада] борется, к примеру, с идеологией культуры, которую считает самой большой и гнусной ложью, только из стремления к движению, если хотите, из непримиримости, может быть, из кокетства» [Дада Альманах, 2000, с. 7–8]. Цитата показывает тенденцию дадаизма: в каком контексте функционирует и против чего направлена. И вместе с тем спокойно уживается мысль о том, что все это – ложь. Это тоже является частью логики дадаизма.

Логика дадаизма

Рассмотрим семиозис дадаизма на схеме:

Как известно, дадаистская логика отрицает все, даже самого себя. Языком логики это можно выразить: A не B , B не C , C не D и т. д. и даже A не A , т. е. дадаистская логика функционирует по принципу самоотрицания, в виде игры. Это хорошо видно у Т. Тцары в тексте «Дада манифест. 1918 г.» (Manifest Dada 1918): «Я пишу манифест и я ничего не хочу, тем не менее говорю некоторые вещи, и я принципиально против манифестов, равно как и против принципов. Я пишу этот манифест, чтобы показать, что

можно одновременно производить противоположные действия» [Дада Альманах 2000, с. 89].

Логику Т. Тцары можно увидеть также в третьей «Дада суаре», состоявшейся в декабре 1918 г.: «Разрушим, будем благоразумны, создадим новую гравитацию НЕТ = ДА» [Там же, с. 19]. Именно в этом новом гравитационном поле функционирует манифест; противоречивая логика рождается в том же манифесте в виде формул: «порядок = беспорядок, я = не я, утверждение = отрицание; то есть высшие излучения абсолютного искусства» [Там же, с. 91]. Выходит, что противоречие не только особенность дадаизма, но и специфика искусства. Высказывание Т. Тцары в семиотическом плане обоснованно, поскольку художественное произведение становится «дышащим» за счет энтропии, а не за счет однозначности, упорядоченности.

Мирное сосуществование «да» и «нет» в дадаизме свидетельствует об относительности ценностей, игривости, непредсказуемости, странности габитуса дадаистических «актеров» на уровне логики, странности игрового, иррационального и на уровне поведения³. Немецкий философ Петер Слотердаjk в четвертом разделе «Веймарского симптома» анализирует логику дадаизма. В разделе «Дадаистское хаосоведение: сематический цинизм» (*Dadaistische Chaotologie Sematisch Zynismen*) он критикует дадаизм: «дадаизм показывает циничные шоу» [Sloterdijk, 1983, S. 726]. В центре внимания Слотердаjка оказывается мысль, прозвучавшая в «Дада-манифесте 1918 г.» Хюльзенбека: «Мы были против пацифистов, потому что война предоставила нам возможность прославиться» (цит. по: [Sloterdijk, 1983, S. 726]). Слотердаjk не приемлет это высказывание ни с моральной, ни с психологической точки зрения. Для восприятия текста он предлагает сначала понять «иронично-полемическую манеру речи» («*ironisch-polimische Sprechweise*») [Ibid., S. 713].

Полагаем, что Слотердаjk критикует текст Хюльзенбека на уровне «части», а не «целого». Слотердаjk неверно выбирает код интерпретации (этика, психология). Думаем, что целью Хюльзенбека и других дадаистов являлось привлечение внимания общественности своей риторикой (уровень означающего). Естественно, подобное выражение с моральной точки зрения неприемлемо, а в контексте дадаистического – приемлемо. Если бы Слотердаjk обратил внимание на высказывания Хюльзенбека, габитус и дискурс берлинских дадаистов, то его комментарии на уровне «части» пошли бы совсем по другому руслу. Вопрос в том, что подобное высказы-

³ В этом плане интересно поведение Йоханес Баадера: в Праге он за полчаса до начала дадаистического представления крадет рукописи и Р. Хюльзенбека и Р. Хаусманна, оставляя их перед трехтысячной публикой на освящении и позорное осмеяние. См. подробнее: «Об одном дадаистском частном деле» Х. Бауманна («*Eine dadaistische Privatangelengenheit*») [Дада Альманах, 200, с. 24–27].

вание Хюльзенбека указывает не на денотат⁴, а именно на дадаистский код: воздействие на общественность иронично-саботажным языком, привлечение внимания общественности, как дети привлекают к себе внимание взрослых своими шалостями. Иными словами, код дадаизма⁵ построен на «шуме». Мы склонны утверждать, что Слотердаjk попадает именно в дадаистскую ловушку, интерпретируя только часть манифеста Хюльзенбека. Код понимания дадаизма находится не в «части», а когда «часть» раскрывается в контексте «целого». В противном случае при интерпретации возникает «шум».

О «шуме» в дадаизме Сергей Кудрявцев писал («К русскому читателю»): «<...> дада заключает в себе универсальный энтропийный метод не определенного высказывания» (разрядка С. Кудрявцева. – Т. С.) [Дада Альманах, 2000, с. 3]. Сказанное предполагает, что суть дада закодирована не в однозначности: по мере энтропии определяется упорядоченность vs неупорядоченность смысла. Почему? Баадер в «Декларации Клуба дада» пишет: «Дада – хаос, из которого возникают тысячи порядков, которые вновь переплетаются в хаоса дада» [Там же, с. 99]. Как видим, полюса хаос – упорядоченность Баадер видит в диалектической связи, т. е. за дадаистской хаотичностью скрыт космос. Задача исследователя ввести в этот дадаистский хаос (или, с первого взгляда, беспорядочность) упорядоченность, т. е. «упорядочить» рациональностью. Эту логику наблюдаем и в записи Х. Балля 12 июня 1916 г.: дада была «шутовской игрой из ничего» («ein Narrenspiel aus den Nichts») ⁶. Х. Балль подобной формулировкой упорядочивает хаос.

В семиотическом плане описанный семантический шум сопровождается и настоящим шумом во время дадаистских представлений – суаре. На дада вечеринках были представлены различные виды искусства: музыка, танцы, литература, живопись. Например, 17 марта 1917 г. выставлялись рисунки детей, а также произведения Компендока, Кандинского, Клее, Мензе. Звучала африканская музыка, и демонстрировались танцы [Дада Альманах, 2000, с. 16–17], можно было увидеть и негритянскую скульптуру. В этой «хаотичности» есть своя логика: разрушается европоцентризм.

Во время суаре использовались сценические атрибуты (маски, костюмы). Писались симультанные поэмы, когда несколько исполнителей одновременно читали эти произведения на различных языках на дада вечерин-

⁴ «Мы были против пацифистов, потому что война предоставила нам возможность существовать во всем нашем величии <...> Мы были за войну, дадаизм и сегодня за войну» [Дада Альманах, 2000, с. 79–80].

⁵ Под кодом мы понимаем единство означающего с означаемым (У. Эко).

⁶ Русский перевод, как нам кажется, неточен: «ein Narrenspiel aus den Nichts» переведен «дурашливая игра в ничто» [Дадаизм в Цюрихе..., 2001, с. 100].

ках⁷. За этим «шумом» скрывалась важная тенденция: дадаисты играли с адресатами, с восприятием публики и ее ожиданиями. Даже в кажущихся случайностях существует логика. Не случайно выбрано название первого дадаистического кабаре – аллюзия на временное начало. Не случайны также название дада движения, его зачин, и слова Х. Балля («Манифест открытия; 14 июля 1916 г. первый вечер дадаистов в Цюрихе» (*Eröffnung-Manifest* 1916). Если имя Вольтера указывает на апологета эпохи просвещения, то 14 июля напоминает о начале Великой французской революции [*Manifeste...*, 1995, S. 119].

Фактически «регулирующий» – исследователь – должен найти внутреннюю логику «нерегулируемого». Фр. Ницше по одному поводу в произведении «Так говорил Заратустра» (*Also sprach Zarathustra*, 1883–1885) пишет: «В любви всегда существует момент сумасшествия, но и в сумасшествии всегда есть в определенной мере рациональность» [*Nietzsche*, 1994, S. 44]. Полагаем, что эти слова близки логике дадаизма.

Такая риторика дадаизма продолжалась недолго. Дадаисты постепенно «перебираются» в иной «изм». Если во Франции дадаисты (Тристан Тцара, Иван Голл, Макс Эрнст, Ганс Арп, Эмми Хенингс, Рихард Хюльзенбек, Марсель Янко и др.) сливаются с плодовитым сюрреализмом, то в Германии дада уступает место «Новой деловитости» («*Neue Sachlichkeit*»)⁸.

Борьба дадаистов против экспрессионизма

Дадаисты начинают активную борьбу на берлинском литературном поле против всех предшествовавших «измов». Но главной мишенью их нападок были экспрессионисты.

Наиболее значительными текстами, освещающими эту борьбу, являлись «Дадаистский манифест» и предшествовавший этому манифесту текст Хюльзенбека «Чего хотел экспрессионизм?» («*Was wollte der Expressionismus?*», 1918), «Возвращение к предметности в изобразительном искусстве» («*Rückkehr zur Gegenständlichkeit in der Gegenständlichkeit in der Kunst*», 1920) Р. Хаусманна и текст «Дада-искусство» (*Dada-Kunst*, 1920) Александра Партенса⁹. Заголовком текста «Чего хотел экспрессионизм?», в котором вопрос поставлен в прошедшем времени (*wollte*), Р. Хюльзенбек свидетельствует: экспрессионизм – в прошлом. Хюльзенбек критикует экспрессионизм как литературное течение, его обращенность

⁷ Это изобретение принадлежало Маринетти, но дадаисты усовершенствовали его.

⁸ Следует отметить, что в 2009 г. выходит в свет книга «Сюрреализм в немецкоязычной литературе», в которой анализируется связь Р. Вальзера, И. Голла, Г. Бенна с сюрреализмом.

⁹ Реальными авторами этого текста являлись Т. Тцара, Г. Арп, В. Сернер. Это было результатом мистификации, свойственной дадаистам.

к внутреннему миру человека и современности. Дадаизм воспринимается как антипод экспрессионизма. «Экспрессионизм хотел погружения внутрь, он считал себя реакцией против времени, тогда как дадаизм есть не что иное, как выражение времени» [Дада Альманах, 2000, с. 28].

Берлинские дадаисты обвиняют экспрессионистов в аполитичности, их произведения Хюльзенбек считает «жестом уставших людей, желающих выйти прочь из самих себя, чтоб забыть время, войну и страдание», чтобы «не взглянуть в лицо ужасам эпохи» [Дада Альманах, 2000, с. 28]. Кроме того, когда экспрессионизм «начал входить в моду <...> всеми своими установками содействовал ослаблению и усталости немецкого духа» (Рихард Хюльзенбек: *En avant dada*) [Седелник, 2000]. Как можно заметить, аполитичному экспрессионизму дадаисты противопоставляют себя: «Дада, – пишет Хюльзенбек, – входит в вещи. Экспрессионизм хочет забытья, дада хочет утвердиться» [Дада Альманах, 2000, с. 28]. Как видим, дадаисты, критикуя своего литературно-эстетического «врага» – экспрессионизм, утверждают и легализируются на литературном поле.

По Курту Швиттерсу, даже после 1918 г. пока «экспрессионизм кокетливо строил революционные гримасы, дадаизм вершил революционные дела, стараясь выступать как можно решительнее» [Седелник, 2000]. Конечно, декларируемая дадаистами точка зрения недостаточно аргументирована – заголовки печатных органов экспрессионистов¹⁰ («Storm» («Штурм»), «Aktion» («Акция»), «Revolution» («Революция»), «Das freie StraÙe» («Свободная улица»), «Das neue Pathos» («Новый пафос»)) говорят об их идейных и политических реформах.

В «Дадаистском манифесте» экспрессионистов обвиняют не только в аполитичности, но и в асоциальности. «Ненависть к прессе, ненависть к рекламе, ненависть к сенсациям характеризует людей, которым их кресло важнее, чем шум улицы» [Дада Альманах, 2000, с. 30]. Опираясь на критику дадаистов, можно заключить, что осуждали они только «правых» экспрессионистов, сгруппировавшихся вокруг «Штурма», но то же самое нельзя сказать об объединившихся вокруг «Акциона». В этом смысле можно утверждать, что политические убеждения берлинских дадаистов и «левых» экспрессионистов и представителей «Новой объективности» совпадали.

Рассмотрим также критику экспрессионизма в других вышеперечисленных текстах.

В «Дада-культуре» (*Dada-Kunst*, 1920) критика дадаистов «расширяется». «Лицемерие экспрессионизма, ложный пафос футуризма, салонность кубизма» считаются уже «устаревшими» («abgelebt»), «ставшими шаблоном» («Schablon geworden»). Как заметно, такая характеристика дадаизма

¹⁰ На это явление обратил внимание Кorte Хеман в исследовании «Дадаизм» [Korte, 1994, S. 21].

базируется на уровне эмоций. Однако основной удар в том же тексте достигается «самому немецкому» «изму» – экспрессионизму.

Экспрессионизм воспринимается этими авторами как «плакатный стиль» («Plakatstil»). Его считают попыткой «скудного новшества» («arme Neuerung»). К чему стремится экспрессионизм – это всего лишь «символика», нашедшая свое окончательное место на стене [Дада Альманах, 2000, с. 64; Dada Almanach, 1920, S. 85]. Дадаисты считают экспрессионистическую литературу своеобразным «симулякром», где «систематизированная психология, психоаналитическая символизация (экспрессионизм) не могли передать то переживание, которого уже жаждали повсеместно» [Дада Альманах, 2000, с. 66].

С подобной формулировкой мы не согласны, так как дадаистские авторы «опускают» экспрессионизм до уровня психоаналитической литературы, в которой отсутствуют означаемые, в результате чего «изм» превращается в бутафорию. Иными словами, в экспрессионистической литературе душевные переживания личности являются средством восприятия человеческих переживаний того периода.

Дадаисты, помимо того, что инкриминировали экспрессионистам обвинение в аполитичности, асоциальности, их обвиняли также и в дисфункциональности. Этот переход мы видим в «Дада-манифесте», авторами которого являлись Тристан Тцара, Марсель Янко, Рихард Хюльзенбек, Рауль Хаусманн, Вальтер Меринг и др. По их мнению, экспрессионисты, вступившие в борьбу против натурализма, оказываются в пространстве «абстрактно-патетических жестов, которые служат предпосылкой к бессодержательной, удобной и комфортной жизни» [Там же, с. 30].

«Конформистской» экспрессионистической литературе и ее «статичной» поэзии дада противопоставляет свои «достижения»: симультанную¹¹, бруистическую поэзию. Бруистические стихи с футуристскими корнями возвращают читателя к реальности, где «трамвайный вагон представляется как он есть, эссенция трамвая с зевком пенсионера Шульце и воплем тормозов» [Там же, с. 31]. Кроме того, дадаисты экспрессионистической поэтике противопоставляют симультантный стих («шум»), который «учит смыслу беспорядочного хаоса вещей, в то время как герр Шульце читает, балканский поезд следует через мост у Ниша, свинья жалобно хрюкает в подвале мясника Нуттке» [Дада Альманах, 2000, с. 31]. Что касается выведения «смысла [из] беспорядочного хаоса вещей», то эта техника используется позже в кино. Можно вспомнить фильм Вальтера Руттмана «Берлин – симфония большого города» («Berlin – die Sinfonie einer Großstadt», 1927), Дзизи Вертова «Человек с фотоаппаратом» (1929).

¹¹ Симультантные стихи – это те стихи, которые произносят на сцене одновременно несколько человек «на различных языках, в разных ритмах, тональностях» [Дада Альманах, 2000, с. 80]. См. подробнее также: [Водясова, 2014, с. 41–42].

Из последней цитаты Р. Хюльзенбека можем также заключить, что берлинские дадаисты выступали за отображение реальности, эпохи в литературе. Эту критику «услышали» представители «Новой деловитости», взяв в основу критику в отображении жизни и устоев Веймарской Республики. Авторы «Новой деловитости» в своих произведениях превращают основное оружие дадаистов – иронию – в модус отражения, что четко наблюдается в последней цитате, где принцип построения «учит[ь] смыслу беспорядочного хаоса вещей» противопоставляется описательной прозе: асимметричным оппозициям – балканский поезд vs хрюкающая свинья, герр Шульце vs мясник Нуттке – выраженная мысль иронична.

Экспрессионизм иронично критикует Р. Хаусманна в своих нескольких статьях. Например, в статье «Возврат к предметности в искусстве» он критикует «измы», связывая их с пищей. Например, возникновение кубизма во Франции он связывает с их «суповым уклоном». «Германия, центральноевропейская страна, колебалась между левыми и правыми влияниями, между западными формулами и восточной бесформенностью, и породила в итоге экспрессионизм, в котором все неясное, непостижимое в немецкой душе плавает спокойно и умиротворенно – в точности, как клецки в бульоне» [Там же, с. 110]. Хаусманн такими гастрономическими аналогиями характеризует причины становления экспрессионизма. Он считает, что «<...> итальянцы с их телятиной, их полентой и их красным вином, должны всегда, в любой исторической ситуации быть склонными к ясности, в то время как немцы с их супами, бутербродами и со своим пивом, напротив, пришли лишь к отвратительному затемнению вещей, именуемому экспрессионизмом» [Там же, с. 111].

В другом месте Хаусманн ставит «диагноз» немцам, которые «страдают от бесславной череды запоров и поносов, которая сказывается и в философии Канта, и во второй части “Фауста” Гете или, скажем, в порядке слов у Штрамма» [Там же]. Цитата отражает иронию, доходящую до сарказма, с которой Хаусманн рассматривает экспрессионистическую литературу. Чувствуется и нетерпимость дадаистов к предшествующим писателям, философам. Эта идея подтверждается в примечаниях к книге Рауля Хаусманна «В начале дада»: «Дада-движение полностью порывало с прошлым, в первую очередь, с идеями, существовавшими в XIX веке, и в XVIII и XVII веках. <...> Дада-конфликт со ВСЕМ, скрытым в новом сознании» [Hausmann, 1992, S. 7].

Заметим, что ирония и сарказм – не только авторский, но и дадаистский признак агрессивности. Острая критика Хаусманна – яркий пример дадаистского мышления. Тот же тон Хаусманн сохраняет в статье «Немецкий обыватель сердится», где снова в контексте съестного и желудочно-кишеч-

ного тракта критикует, осмеивает экспрессионизм¹², называя его «псевдо-теософско-германский бублик к чаю» [Дадаизм в Цюрихе..., 2011, с. 285]. Он обвиняет экспрессионизм даже в «абсолютной неспособности что-либо сказать, понять суть вещи, обыграть ее». Он является «влажным духовным компрессом для протухших внутренностей, изначально протухший студень <...>» [Там же, с. 286]. С той же риторикой Хаусманн выступает в статье «Синтетическое кино живописи», но беспощадная критика направлена уже против художников-экспрессионистов: «материал, которым пользуется художник-экспрессионист, восходит к почти астральному слабоумию в отношении ценности цвета и линий для толкования называемых звуков души» [Там же, с. 297].

Если в приведенном до сих пор тексте Хаусманна критика носила спекулятивный, неконструктивный, сугубо эмоциональный характер, то в плане описания немецкой политической элиты она довольно удачна. «Немцам же, – пишет Хаусманн, – следует посоветовать заняться прежде всего планомерным разделением бульона с клецками – на бульон и клецки, – иначе им не видать ничего, кроме сосискообразных ножек, планов мирового господства (Weltbeherrschungspläne) и экспрессионизма, то есть искусства изолгавшейся глупости» [Дада Альманах, 2000, с. 112].

Из приведенной цитаты выделим конструктивную жесткую критику немецкой внешней политики. Известно, что любая критика предлагает рефлексию, пересмотр, переосмысление проблем, отказ или подтверждение. Критика Хаусманна способствует освещению притязаний немецкой политической элиты. Исторические события показали, что немецкая политическая элита не нашла времени для разделения «бульона и клецек» ни в Первую, ни во Вторую мировую войну.

Таким образом, немецкие дадаисты сыграли важную роль на литературном поле Германии (1916–1925). В немецкоязычных странах (Швейцария, Германия) габитусом, противоречивой логикой и поэтическим «шумом» (симульганная, брюнистическая поэзия) они шокировали свою публику, в центре внимания имея безрассудную милитаристскую политику кайзеровской Германии. Дадаизм, критиковавший своих политических и литературных «врагов», стал, по сути, самобытной реакцией на свое иррациональное время.

Список литературы

Альманах Дада / Под ред. Р. Хюльзенбека. М.: Гилея, 2000.

¹² Р. Хаусманн критикует экспрессионистических поэтов Карла Эйнштейна, Фердинанда Хардекофа, теоретика Курта Хиллера, главного редактора «Штурма» Херварта Вальдена [Дадаизм в Цюрихе..., 2001, с. 503].

Водясова О. А. Дадаизм в Швейцарии и Германии 1910–1920-х годов: проблемы теории и художественной практики // Вестник Краунц. Гуманитарные науки. 2014. № 1 (23). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/dadaizm-v-shveysarii-i-germanii-1910-1920-h-godov-problemy-teorii-i-hudozhestvennoy-praktiki> (дата обращения 01.06.2015).

Дадаизм в Цюрихе, Берлине, Ганновере и Кельне: Тексты, иллюстрации, документы / Отв. ред. К. Шуман. М.: Республика, 2001.

Седельник В. Д. Дадаизм и дадаисты. М.: Изд-во ИМЛИ РАН, 2010. 552 с. URL: <http://www.dali-genius.ru/library/dadaizm-i-dadaisty17.html> (дата обращения 24.05.2015).

Щеглова М. В. Дадаизм – социально-психологический симптом эпохи перемен // Изв. ВГПУ. 2005. № 2. URL: <http://www.file:///D:/Documents%20and%20Settings/Tigran/My%20Documents/Downloads/dadaizm-sotsialno-psihologicheskii-simptom-epohi-peremen.pdf> (дата обращения 20.05.2015).

Якобсон Р. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987.

Aufbruch ins 20. Jahrhundert. Über Avantgarden / Hrsg. Heinz Ludwig Arnold. München: Richard Boorberg Verlag, 2001.

Dada Almanach / Hrsg. R. Huelsenbeck. 2. Auflage. Hamburg: Nautilus Verlag, 1920. URL: <http://sdr.lib.uiowa.edu/dada/da/index5.htm> (дата обращения 20.05.2015).

Dada Zürich: Texte, Manifeste, Dokumente / Hrsg. K. von Riha. Stuttgart: Reclam Verlag, 2006.

Hausmann R. Am Anfang war Dada / Hrsg. von Karl Riha und Günter Kämpf. 3., völlig neu gestaltete Auflage. Gießen: Anabas Verlag, 1992.

Illustrierte Geschichte der deutschen Literatur in sechs Bänden / Hrsg. Prof. Dr. Anselm Salzer und Prof. Eduard von Tunk. Köln: Naumann & Göbel 1990. Bd. 5.

Korte, Hermann. Die Dadaisten. 4. Auflage. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt-Taschenbuch 1994.

Manifeste und Proklamationen der europäischen Avantgarde (1909–1938) / Hrsg. von Wolfgang Asholt und Walter Fähnders. Stuttgart; Weimar: Verlag J. B. Metzler, 1995.

Nietzsche F. Also sprach Zarathustra. 1. Auflage. Frankfurt am Main: Insel Verlag, 1994. 368 S.

Richter H. Geschichte der Malerei 20. Jahrhunderts. 7. ergänzte Auflage. Köln: DuMont Buchverlag, 1988.

Sloterdijk P. Kritik der zynischen Vernunft. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1983. Bd. 2.

Article metadata

Title: Dadaism in Germany: logic, semiotics, strategy

Author: T. S. Simyan

Author's e-mail: tsimyan@googlemail.com

Author affiliation: Yerevan State University, Faculty of foreign Literature

Abstract: In the present article the logical and semiotic characteristics of Dadaism are analyzed, first of all its aggressive «struggle» in the literary field. Expressionism takes on the role of the «leading» enemy of Dadaism in Germany. Dadaists criticized it on the emotional, rather than on the rational level, which deprived their criticism of any constructive character. Particular attention is drawn to the analysis of the problem of self-identification in Dadaism, its comprehension / non-comprehension through the concepts of «part» and «whole». In order to understand Dadaism, it is extremely important to study its «beginning», motivation, and the formation of its startling «ism». Possible logical mistakes (particularly, generalization) in analyzing Dadaism outside of the historical context are shown based on examples drawn from Peter Sloterdijks' works.

Key terms: Dada, logic of Dada, semiotics of Dada, strategy of Dada, Habitus of Dada, Dada vs. Expressionism.

Reference literature (in transliteration):

Almanach Dada (pod. red. Richarda Huelsenbecka), Moskva, izd. «Gileya», [1920] 2000.

Vodyasova O. A. Dadaizm v Shvejzarii i Germanii 1910-1920-x godov: problemi teorii i chudojestvennoj praktiki // Vestnik Kraunz. Gumanitarnie nauki, 2014, N 1 (23) / <http://cyberleninka.ru/article/n/dadaizm-v-shveytsarii-i-germanii-1910-1920-h-godov-problemy-teorii-i-hudozhestvennoy-praktiki>

Dadaizm w Zuruche, Berline, Gannovere i Kyol'ne: Teksti , ilustracii, dokumenti (otv. red. K. Schuman), Moskva, izd. «Respublica», 2001.

Mayk Maderov. Dadaisticheskij stishok (epitafiya), 2005 // <http://www.stihi.ru/2005/04/07-195>

Sedel'nik W. D. Dadaizm I dadaizsti, Moskva, izd. «IMLI RAN», 2010 / <http://www.dali-genius.ru/library/dadaizm-i-dadaisty17.html>

Sheglowa M. W. Dadaizm sozjal'no-psichologicheskij simptom epochi peremen // Izvestiya WGPU, 2005, N. 2 / <http://cyberleninka.ru/article/n/dadaizm-sotsialno-psihologicheskij-simptom-epochi-peremen>

Jakopson Roman. Raboti po poetike, Moskva, izd. «Progress», 1987.

Aufbruch ins 20. Jahrhundert. Über Avantgarden (Hrsg. Heinz Ludwig Arnold). München: Richard Boorberg Verlag 2001.

Dada Almanach (Hrsg. Richard Huelsenbeck), 2. Auflage, Hamburg: Nautilus Verlag 1987 [1920 / <http://sdrc.lib.uiowa.edu/dada/da/index5.htm>

Dada Zürich: Texte, Manifeste, Dokumente (Hrsg. von Karl Riha). Stuttgart: Reclam Verlag 2006.

Hausmann, Raoul. Am Anfang war Dada (Hrsg. von Karl Riha und Günter Kämpf). 3, völlig neu gestaltete Auflage. Gießen: Anabas Verlag 1992.

Illustrierte Geschichte der deutschen Literatur in sechs Bänden (Hrsg. Prof. Dr. Anselm Salzer und Prof. Eduard von Tunk). Band V. Köln: Naumann & Göbel 1990.

Korte, Hermann. Die Dadaisten. 4. Auflage. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt-Taschenbuch 1994.

Manifeste und Proklamationen der europäischen Avantgarde (1909–1938) (Hrsg. von Wolfgang Asholt und Walter Fähnders). Stuttgart / Weimar: Verlag. J.B. Metzler 1995.

Nietzsche, Friedrich. Also sprach Zarathustra. 1. Auflage. Frankfurt am Main: Insel Verlag 1994. (368 S.).

Richter, Horst. Geschichte der Malerei 20. Jahrhunderts. 7. ergänzte Auflage. Köln: DuMont Buchverlag 1988.

Sloterdijk, Peter. Kritik der zynischen Vernunft. Band 2. Frankfurt am Main: Suhrkamp 1983. (399–954 S.)